

Уильям Джеймс

Моральный эквивалент войны¹

<...> Сегодняшние апологеты войны рассматривают ее под религиозным углом зрения. Для них война – нечто таинственное, священное. Не имеет значения, кто жертва, а кто агрессор, на чьей стороне боевой успех, а кто терпит поражение. Война делает нас свободными, позволяет раскрыться нашей природе во всей ее силе и сокрушающей мощи; она – абсолютное благо для всех, твердят служители культа Ареса. «Ужасы» военного времени – приемлемая цена, которую мы вынуждены платить за бегство из затхлого мира конторских делопроизводителей, клерков и гувернеров, мира благотворительных фондов и потребительских обществ, смешанных школ и кружков любителей домашних животных, алчных магнатов и разнузданных феминистов. Жизнь без риска, отваги, самопожертвования, жалкое прозябание в благоустроенном социальном уютнике... Что может быть хуже, презреннее такого существования?

<...>

Перспектива отмены уклада, основанного на страхе (*fear régime*), внушает современному человеку, привыкшему сражаться с судьбой, ничуть не меньший страх, чем бедствия прежних времен, только страшится он уже не врагов, посягающих на его жизнь, а *себя самого*. Эту новую разновидность страха питает двоякое (во-первых, эстетическое, во-вторых, морально-психологическое) неприятие «утопии мира»: с одной стороны, нежелание расставаться с военной романтикой, с поэзией ратной жизни, ностальгия по золотым временам, когда вопросы национальной чести, славы или позора государств решались на поле брани, когда история человечества вихрем неслась от эпохи к эпохе, а не вяло раскручивалась по «эволюционной» спирали; с другой стороны – горькое сожаление при мысли о том, что сцена войны, грандиозная и прекрасная, когда-нибудь опустеет, милитаристские ценности обесценятся, а добродетели воина останутся навсегда невостребованными. Эти чувства, как мне представляется, заслуживают внимания и уважения не меньше, чем любые другие эстетические или этические потребности. Их непросто вытравить из нашего сердца, – во всяком случае, рассуждениями о дороговизне войны, о человеческих жертвах, страданиях, жестокости тут не поможешь. Ужасы не пугают, а возбуждают; когда же встает вопрос о предельных возможностях (*extremes*) человека, о проявлениях «лучшего», «высшего» в нас, разговор о цене кажется неуместным.

<...>

Пока антимилитаристы не предложат взамен института войны чего-то функционально подобного ей, не найдут *морального эквивалента войны* – такого ее аналога, который я бы сравнил, воспользовавшись примером из физики, с механическим эквивалентом теплоты, – до тех пор они не добьются успеха. Санкции против нарушителей мира, штрафы и наказания, на которые они возлагают надежды в своем утопическом прожектерстве, слишком ничтожны и плоски, чтобы затронуть человека с милитаристским мышлением. Толстой с его пацифизмом и рав-

¹ *James W.* The Moral Equivalent of War // McClure's Magazine. 1910. № 35. P. 463–468. – Перевод И.Д. Джохадзе.

нодушием к мирским «ценностям» – скорее исключение из правила. Страх перед Богом в качестве сдерживающего морального фактора представлялся ему более действенным, нежели страх перед человеком, врагом. Но нынешние миротворцы-социалисты не признают никаких ценностей, кроме мирских, не знают врагов, кроме голода; они трепещут только при мысли о нищете, которая, как самая страшная Божья кара, обрушивается на тех, кто не трудится. Это ущербное мнение разделяется всеми без исключения авторами социалистической ориентации, с работами которых я знаком.

<...>

Милитаристы бесспорно правы в том, что ратные добродетели, хотя и рождаются в хаосе войн, имеют для всех, включая «мирных» людей, абсолютную и постоянную ценность. Военный патриотизм представляет собой, в конечном счете, частное проявление более общего и глубинного патоса – страсти к соперничеству. Воинственность – одна из форм этой страсти, изначально преобладающая, но далеко не единственная; первая, но не последняя. Люди гордятся своей принадлежностью к сильной нации, способной обороняться и нападать, они согласны терпеть лишения, рисковать состоянием и самой жизнью, лишь бы не оказаться в порабощении. Но что заставляет нас думать, что *никакие иные аспекты коллективной жизни* не могут со временем, при должном воздействии на людские умы, постепенно приобрести в глазах большинства то же исключительное значение, что военно-политические успехи и неудачи сегодня, начать пробуждать в нас столь же сильные чувства? Почему не предположить, что когда-нибудь люди готовы будут платить высокую цену за возможность принадлежать к сообществу, которое было бы лучшим, сильнейшим не только в военном, но *в любом* отношении?

<...>

Если бы сегодня, и в этом заключается моя главная мысль, взамен архаичного воинского призыва правительство объявило набор в регулярную армию мира, созданную для борьбы против *природы*, а не против человека, наше общество стало бы нравственно здоровее и определенно счастливее. Армейская дисциплина и аскетизм для молодых людей сделаются тогда чем-то привычным и естественным, никто не останется безразличен к суровым реалиям жизни, недоступным пониманию нынешних представителей высших классов. Каждый призванный на такую службу выберет для себя труд по душе, будь то работа в угольных шахтах или мытье посуды, строительство городских небоскребов или стирка белья, прокладка автомобильных дорог и туннелей или выходы в море на промысловых судах в зимнюю пору. Моральные и физические испытания закалят наших юных тружеников, выбьют из них ребячество и вернут в общество с более здоровыми интересами и трезвыми взглядами. Молодые люди исполнят свой гражданский долг и внесут посильную лепту в общее дело борьбы человека против природы.

<...>

В наше время война, как и прежде, все еще остается единственной силой, способной дисциплинировать целое общество, и покуда не найден эквивалентный ей инструмент, война должна идти своей дорогой. Но я искренне убежден, что современное человечество достигло черты, когда такой моральный эквивалент может быть создан. То, что кажется нам сегодня абсолютной утопией, завтра станет реальностью, если только люди, обладающие ресурсом воздействия на общественное сознание, не упустят исторический шанс.